

За последний месяц Ху Пэй впервые выпался по-настоящему. Без козней Повелителя Грома его сны наконец-то оставил в покое леденящий ветер душ из Девяти Преисподних, а багровые отсветы с берегов Реки Забвения больше не манили во тьме, прокладывая дорогу в небытие.

Опустив белого лисёнка на кушетку, он ласково погладил его по шёлковой шёрстке и заботливо укрыл детским одеяльцем. После этого Ху Пэй не спеша облачился в аккуратный, сшитый на заказ мундир начальной школы Белого Коня и принялся ждать Ху Линя с тёплой водой для умывания.

Едва Ху Пэй переступил порог, к нему поспешил слуга Минцуань:

— Молодой господин, хозяйка просила передать, что долг платежом красен. Она сегодня сама спозаранку хлопотала у плиты. Возьмите этот короб в управу, угостите молодого господина Чао.

Ху Пэй озадаченно прищурился, но всё же кивнул, велев Ху Линю забрать узелок с едой.

У ворот усадьбы Ху уже дожидался присланный за ним экипаж.

Старый кучер, Чао Бо, принял из рук Ху Линя короб с едой, помог Ху Пэю подняться на подножку и передал ношу следом в кабину.

Чао Цо с весёлым гоготом перехватил короб и тут же принялся срывать крышку:

— Неужто солнце сегодня на западе взошло? С каких это пор ты меня завтраками потчуеть?

Ху Пэй, мерно покачиваясь в такт движению экипажа, лишь тонко улыбнулся:

— А где же угощение от госпожи Чао?

— Да вот оно, держи. Глаза бы мои на них не глядели, — Чао Цо небрежно толкнул к нему завернутый в широкие листья свёрток. — Опять лепёшки с водяным орехом.

Доставая из принесённого Ху Пэем короба судок, Чао Цо увлечённо бубнил:

— Матушка божилась, что это последняя молодая зелень в этом году. Теперь только будущей весной полакомимся.

Обмотав пальцы чистой тряпицей, Чао Цо бережно выудил обжигающий глиняный горшочек. Стоило снять крышку, как по кабине разнёсся густой аромат. Парень блаженно зажмурился:

— Твоя матушка — просто святая женщина. Сразу видно, знает, чем меня порадовать!

Ху Пэй, неторопливо разжёвывая пресную лепёшку, молча отодвинулся к самому краю сиденья.

— Кха-а-а!.. — Чао Цо внезапно поперхнулся, брызнув слюной, яростно утёр рот рукавом и судорожно заметался в поисках фляги с водой. Припав к горлышку, он принялся жадно глотать.

В этот момент снаружи Чао Бо резко натянул поводья, уклоняясь от зазевавшегося прохожего.

— Кхе!.. Кха-кха... Чао Бо, чтоб тебя!.. Кхе-кхе! — от неожиданного толчка несчастный Чао Цо вдохнул воду прямо в лёгкие. Он зашелся в лающем кашле, мгновенно налившись пунцовой краской.

Осилив две лепёшки, Ху Пэй отложил остальное. Трава уже огрубела, и выпечка потеряла ту нежную весеннюю сладость, которой славилась в начале года.

Аккуратно промокнув пальцы платком, Ху Пэй с холодным любопытством наблюдал через приоткрытую занавеску за тем, как перепуганный Чао Бо на улице рассыпается в извинениях.

— Будет тебе, Чао Бо тут ни при чём. Трогай, — подал голос Ху Пэй, избавив старика от гнева молодого хозяина.

— Благодарствую, молодой господин Ху! — с облегчением выдохнул Чао Бо, поспешно задернул штору и прикрикнул на лошадей.

Чао Цо кое-как прокашлялся и, свирепо ткнув пальцем в забрызганную откидную столешницу, прохрипел:

— Ху Пэй, ты меня со свету сжить решил? Да тут же одна соль! Язык жжёт!

— Матушка лично у плиты стояла, — Ху Пэй слегка прикусил изнутри щеку, силясь сохранить невозмутимый вид. — Правда, её кулинарные шедевры обычно даже отец пробовать опасается.

Как только экипаж замер у ворот, Ху Пэй первым выскользнул наружу и, не дожидаясь приятеля, зашагал к дверям Начальной школы Белого Коня.

Чао Цо спрыгнул на мостовую под продолжающееся бормотание Чао Бо и досадливо махнул рукой:

— Так, прекрати. Забирай этот горшок с похлёбкой... Догони шестого молодого господина Ху и скажи, что это личный подарок от Ху Пэя.

Сказав это, он припустил вовсю прыть, спасаясь бегством от собственного коварства.

Впрочем, до шестого брата похлёбка так и не дошла. Окружавшие карету школяры, прослышав, что в горшочке томится собственноручно приготовленное Ху Пэем яство, живо зазвенели монетами, пытаясь перекупить деликатес.

Кучер упрямылся, но бойкие недоросли попросту вырвали у него короб. Тот, кому посчастливилось сделать первый глоток прямо из горлышка, мгновенно застыл с выпученными глазами, не в силах вымолвить ни слова. Стоявшие рядом приятели, решив, что парень вкусил нектар богов, поспешно перехватили посудину, припали к ней — и тут же с визгом выплюнули всё обратно. Ошарашенная толпа зевак так и замерла на месте.

Весь день Ми Цзяо ловил на себе и Ху Пэе странные, полные недоумения взгляды однокашников. Наконец Юй Лань, пронюхав в чём дело, с хохотом ткнул пальцем в сторону Ху Пэя:

— Вы только послушайте! В школе вовсю трезвонят, будто секрет твоей неземной красоты кроется в неимоверном количестве соли, которое ты поглощаешь. Кое-кто из младших уже поклялся съедать по ложке в день, чтобы стать краше! Ха-ха-ха!..

Ми Цзяо изумленно захлопал глазами:

— Да с чего они это взяли?

Выслушав путанные объяснения Юй Ланя, он растерянно повернулся к Ху Пэю:

— Неужто и впрямь правда?

— Глупости, — поморщился Ху Пэй, явно раздосадованный нелепыми слухами. — Переизбыток соли лишь разрушает тело. Объясните этим олухам, пока они не погубили себя.

Чао Цо так и покатился со смеху:

— Да это же... — натолкнувшись на ледяной, обещающий скорую расправу взгляд Ху Пэя, он поспешно прикусил язык. — Хм, в общем, я сегодня решил слегка разыграть А-Пэя, а досужие языки подслушали наш спор и разнесли по всей округе. Обычная нелепица вышла, право слово.

Узнав, что виной всему дурацкая выходка Чао Цо, однокашники дружно ополчились на

шутника.

Много позже, когда Чао Цо наконец избудет свою детскую полноту и превратится в статного, видного юношу, никто в Золотой столице так и не решится причислить его к признанным красавцам — четырём юным господам из Начальной школы Белого Коня. Былую славу вздорного баламута было не изгладить.

На исходе тридцатого года правления под девизом Дигэн Ху Пэй без особого труда сдал выпускной экзамен, подтвердив звание юного книжника Начальной школы Белого Коня.

Впрочем, держа слово перед наставником Оуяном, ему надлежало весной провести в этих стенах ещё один месяц — лишь тогда старик обещал выдать заветное рекомендательное письмо.

Чао Цо тоже попытался дерзнуть и напросился на досрочное испытание, однако с треском его провалил. От уязвлённого самолюбия парень побелел как полотно, искусав губы до крови.

На протяжении всех зимних холодов он безвыездно сидел в отцовском поместье, зарывшись в свитки и не показывая носа наружу.

Видя такое рвение, господин сиши Чао исходился то радостью, то глухой тревогой. В конце концов он уговорил супругу нанести визит госпоже Ху, дабы та устроила приглашение для Ху Пэя в усадьбу Чао.

Ху Пэй держал в руках второе в своей жизни приглашение от семейства Чао. На сей раз бумага была куда изысканнее прежней — от плотного листа исходил тонкий, едва уловимый аромат знаменитых свитков «семи благовоний», которые, согласно трактатам, доставлялись во дворец в качестве дани из далёкой провинции Наньшу.

Для изготовления этой драгоценной бумаги умельцы Наньшу брали лепестки семи редких цветов, смешивали их в строгих пропорциях, а затем вручную окрашивали листы цветочными соками. Послание в руках Ху Пэя было написано на обычной бумаге, но её явно пропитали тем самым изысканным благовонием.

— Надо же, господин сиши воистину знает толк в мелочах, — усмехнулся Ху Пэй. — Минцуань, отнеси-ка это отцу.

Слуга недоумённо захлопал глазами:

— Молодой господин, разве эту записку передали не из кабинета главы семейства?

Ху Пэй качнул головой:

— Нет, её доставили на женскую половину к матушке. Отец её и в глаза не видел. Отнеси ему, он поймёт.

Когда слуга скрылся за дверями, Ху Пэй ласково провёл ладонью по спящему на коленях белому лису. Воздух в комнате всё ещё хранил шлейф нежных цветочных масел.

— Славный запах. Похоже, в Золотой столице зарождается новое поветрие.

Вскоре от Ху Юньшэня пришёл ответ: отец просил сына не беспокоиться, пообещав уладить дело с Чао самостоятельно. Самому же Ху Пэю велели безвыездно готовиться к весеннему испытанию в Государственный университет. Впрочем, слухи опережали дела — по улицам Золотой столицы уже вовсю гуляла весть, что восьмилетний господин Линцзюнь намерен держать экзамен в высшее училище империи.

Праздный люд шептался, будто Линцзюнь — сошедший с небес небожитель, равного которому по уму нет во всей империи Великой Чжоу. Судачили, что с его выдающимся талантом он завершит учение за пару лет и тут же займет видное место при дворе.

Как раз в эти дни в усадьбу примчался сияющий Ху Ян, только-только выдержавший суровые экзаменационные испытания в Государственном университете. Ввалившись во внутренний дворик, он застыл как вкопанный: Ху Пэй, облачённый в одно лишь лёгкое домашнее платье, преспокойно стоял посреди засыпанного снегом сада, прижимая к груди пушистого белого лиса.

Старший брат торопливо зашагал по сугробам, причитая на ходу:

— Сяо Цзю, ты у меня до смерти замёрзнуть решил? На дворе такой мороз, что дыхание в лету сосульки превращается, а ты в одном исподнем! — Он грозно зыркнул на слуг: — Вы куда смотрите? Живо тащите тёплый подбитый мехом халат для молодого господина!

Ху Пэй медленно перевёл на него взгляд.

Род Ху не отличался роскошью, и единственным спасением от зимней стужи для домочадцев служили огромные, подбитые толстым слоем ваты халаты. В таком облачении любой стройный юноша мгновенно превращался в неповоротливого бочонка — точь-в-точь как катившийся к нему сейчас Ху Ян.

Минцуань даже не пошевелился. Он уже битый час пытался урезонить хозяина, но Ху Линь лишь махнул рукой, пояснив, что девятый молодой господин испокон веков не боялся холода. Дабы не навлекать на себя ворчание матушки и расспросы старой госпожи, Ху Пэй во время зимней спячки попросту носа не казывал за ворота своей обители.

Впрочем, Ху Ян был слишком пьян от собственного успеха, чтобы долго ворчать.

— Да ну тебя, — махнул он рукой. — Не зря бабушка зовёт тебя ходячей жаровней. Слушай, братец, я ведь сдал! Ха-ха! Благодаря тому заветному месту, освобождённому от податей, грядущей весной я смогу вступить в должность наравне со старшими братьями! Нашёлся наконец приличный чин и для меня. Теперь только за тобой дело стало.

Ху Пэй лишь снисливо хмыкнул и зашагал к дверям дома. Оставляя глубокие следы на хрустящем насте, он прошёл в залу и устроился на низком сиденье у начищенной до блеска медной жаровни.

— Официальной бумаги из канцелярии ещё не прислали. Ты хоть знаешь, какую должность тебе прочат? — поинтересовался младший. — Как бы не приставили навоз за лошадьми выгребать.

— Да типун тебе на язык! — замахал руками Ху Ян. — Отец с дядей уже прикинули — скорее всего, направят на службу во внешний двор. Наша семья испокон веков поставляет империи великих церемониймейстеров, так что...

— Ху Пэй! — раздалось от порога. Легок на помине.

В дверях показались старшие братья: Ху Кунь, Ху Чэнь и Ху Тан.

Ху Ян радостно подпрыгнул на месте и бросился встречать гостей. Братья гурьбой вошли в жарко натопленную комнату, снисходительно похлопали сияющего шестого по плечу и чинно расселись на расставленных вокруг жаровни резных стульях и мягких табуретах.

Ху Пэй едва заметным движением руки велел Минцуаню подать гостям чай. Ху Ян тем временем увлечённо трещал без умолку, делаясь своей радостью.

Ху Кунь, как самый старший в их поколении, первым прервал этот поток восторгов:

— Послезавтра у всех нас выдастся свободный день. Седьмая сестра наконец управилась с хлопотами, у восьмой тоже выдалось время для отдыха. Как смотрите на то, чтобы собраться всем вместе в западном крыле у озера?

Пока Ху Тан и Ху Ян увлечённо шушукались о своём, Ху Чэнь пристально наблюдал за Ху Пэем. Ведь именно ради него вся эта троица и пожаловала.

Поддержав старшего брата, Ху Чэнь с мягкой улыбкой добавил:

— Прежде ты всегда отговаривался тем, что мал ещё и темы у нас разные. Но весной ты уже поступаешь в Государственный университет, так что теперь мы вполне можем говорить на равных, не находишь?

— Да мне это место и даром не надобно! — поспешно высказался простодушный Ху Ян. — С должности младшего управителя одна дорога — в Великие церемониймейстеры. Сейчас этот пост занимает наш дядя, а после него преемником, без сомнения, станет Ху Пэй.

Он выпалил это с плеча, не успев подумать. В комнате мгновенно воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь редким, сухим потрескиванием углей в медной жаровне.

Разглядывая вытянувшиеся лица братьев сквозь полупрозрачную дымку чайного пара, Ху Ян растерянно добавил:

— Да чего вы на меня так уставились? Я ведь чистую правду говорю — и в мыслях не держал этот пост занимать!

Ху Пэй тихонько фыркнул и иронично усмехнулся:

— Вот ведь совпадение. Мне этот пост Великого церемониймейстера тоже даром не нужен.

Ху Кунь едва заметно прищурился, обменявшись быстрыми взглядами со вторым и третьим братьями.

— Полно тебе, — натянуто улыбнулся он. — Мы здесь вовсе не для того, чтобы делить шкуру неубитого медведя. Наше дело простое — пригласить тебя развеяться у Озера Сердца Пруда в западном крыле усадьбы.

— Вот именно, — тут же поддакнул Ху Чэнь.

— Верно говоришь, — закивал Ху Тан.

Ху Пэй перевёл взгляд на бесхитростное лицо Ху Яна, мысленно обозвав бедолагу круглым дураком, но вслух лишь вежливо кивнул:

— Хорошо. Раз так, непременно буду.

— Славненько, славненько... — Ху Кунь, добившись своего, явно не горел желанием дольше оставаться под ледяным взглядом младшего брата. Он незаметно подмигнул второму и третьему.

Троица дружно поднялась с мест, на ходу бросив пару дежурных фраз всё ещё ничего не понимающему Ху Яну, и поспешила откланяться.

Проводив их взглядом и посмотрев на цепочку грязных, неаккуратных следов, оставшихся на девственно белом снегу дорожки, Ху Пэй брезгливо выплеснул остывший чай прямо на

каменные плиты пола.

Ху Ян аж подпрыгнул на своем низком табурете:

— Ого! Ты чего это? Разгневался?

— Ничуть, — ровно отозвался Ху Пэй, жестом велел Минцуаню забрать поднос с пиалами.

Ху Ян лукаво прищурился, на его лице проступила понимающая усмешка:

— Считаешь, эта троица спит и видит, как бы прибрать к рукам дядино кресло Великого церемониймейстера?

Ху Пэй одарил его долгим взглядом, словно удивляясь, что в голове шестого брата нашлось место для столь здоровой мысли.

— Наш дом испокон веков ведает делами Весеннего чиновника, — медленно заговорил он. — Однако не забывай: императорский род Сюаньюань прежде не отличался плодovitостью. Лишь в последние десятилетия они расплодили кучу бездельников с пышными титулами, у которых за душой ни гроша реальной власти, в то время как сила по-прежнему сосредоточена в руках провинциальных наместников. С самого основания государства единственным, кто действительно получил в руки грозное могущество, был разве что восточный Сюань-цзюньван.

— И к чему ты всё это ведешь? — нахмурился Ху Ян. — Какое отношение дела императорской родни имеют к нашему ведомству Весеннего чиновника?

— Весенний чиновник не просто следит за жертвоприношениями да пышными приемами, — терпеливо, точно неразумному дитя, принялся растолковывать Ху Пэй. — В его ведении находится святая святых — священные яшмовые свитки с именами всех членов правящей династии Сюаньюань. Нам позволяли передавать эту должность по наследству лишь потому, что этот пост требует безупречной преданности и позволяет держать под надзором жизни каждого императорского отпрыска.

— Это-то мне ведомо, — кивнул Ху Ян.

— Тогда ответь мне, велик ли ум у нашего государя? На сегодняшний день у императора Дигэна уже десять сыновей и четыре принцессы, младшая из которых едва из пеленок выбралась. За последние два столетия ни один владыка Великой Чжоу не плодил столько наследников. А это значит лишь одно: если не случится смуты, большинство принцев получают пустые титулы и будут сосланы в провинции проедать казну. Спустя три поколения их потомки превратятся в обычных простолюдинов, которым придется покупать чины на общих основаниях.

Ху Пэй взглянул на озадаченное лицо брата и вздохнул — метать бисер перед этим увальнем было делом неблагодарным.

— В общем, запомни: император ни за что не оставит столь важный архив чужакам. Рано или поздно он заберет должность Весеннего чиновника у нашего рода и передаст её кому-то из собственных сыновей. Ведь Его Величество Дигэн подозрителен сверх всякой меры.

— Что?! — Ху Ян от неожиданности подскочил на месте, ошарашенно тыча пальцем в лоб. — Ты хочешь сказать, принцев развелось столько, что государь решит пристроить одного из сыновей на наше место?

— А почему бы и не принцессу? — спокойно парировал Ху Пэй.

— Полно тебе, я ведь не о том, — растерялся Ху Ян, но всё же послушно последовал предложенной мысли. — Старших принцесс уже повыдавали замуж, остались лишь крохи. Но к тому времени, как наш дядя решит отойти от дел, они как раз войдут в пору зрелости...

Ху Пэй не сдержал искренней усмешки.

Вот за эту простоту он и ладил с шестым братом больше, чем с остальной роднёй. Ху Ян унаследовал от своего отца, третьего господина Ху Юньсю, прямой и бесхитростный нрав. Он был чужд той мелочной, мышинной возни и нелепых интриг, которыми так гордились старшие братья, мнившие себя великими заговорщиками.

— В империи Великой Чжоу именно женщины императорской крови считаются истинными хранительницами священного наследия, — туманно обронил Ху Пэй и покачал головой. — В начале года матушка как-то обмолвилась, будто отец спешно готовит обряд возведения на престол наследного принца Сюаньюань Хая, однако дело замяли. Как бы то ни было, забудь о должности Весеннего чиновника. Наш род владел ею без малого два столетия. Пришло время уступить дорогу другим.

Ху Ян во все глаза уставился на малолетнего брата, чей рост едва превышал высоту нескольких стопок книг. И откуда в этой маленькой голове столько недетской мудрости?

— Если бы дядя услышал твои речи, его бы точно удар хватил, — выдохнул старший. — Лишиться наследного дела предков... Да для него это похлеще небесной кары будет!

— К чему эти пустые страхи? — Ху Пэй гордо вскинул подбородок. — Пусть три гуна вершат суд, а три шао им поддакивают; пусть шесть министров мнят себя хозяевами жизни. Истинное признание дарует великий наставник, а бразды правления государством держит лишь один человек — верховный канцлер, великий министр Цзи Сюэкан. Обещаю тебе: наступит день, и я добуду для нашего рода пост верховного канцлера империи. Разве это не лучше, чем тешить себя красивым, но бесполезным званием Весеннего чиновника?

Ху Ян так и застыл с открытым ртом. Чтобы унять дрожь в руках, он поспешно сделал глоток остывшего чая, а осознав сказанное, с размаху хлопнул себя по колену:

— Ну ты и даёшь, Сяо Цзю! Вот уж не думал, что у тебя столь великие помыслы!

Ху Пэй остался невозмутим, лишь изящно пригубил ароматный настой из засушенных бутонов.

Ху Ян, глядя на его манеры, только со вздохом покачал головой. Ну какой муж станет баловаться цветочным отваром? Всё-таки в душе он ещё совсем дитя.

— Как бы то ни было, старшие сегодня ушли несолоно хлебавши. Зря только ноги били.

— Отнюдь не зря, — Ху Пэй аккуратно опустил пиалу на столик и вновь запустил пальцы в шёлковую шёрстку спящего лиса. — Они выведали твои планы, прощупали мои мысли. Теперь жди продолжения: не сойти мне с этого места, если завтра наш второй дядя, Ху Юньчжи, не побежит к моему отцу. А его неисчислимые супруги примутся наперебой лить мёд в уши старой госпоже, пока та изволит отдыхать на своей половине.

Ху Ян невольно передёрнул плечами, стоило ему представить крикливую ораву законных, равных и младших жён второго дяди.

— Да уж, — сокрушённо вздохнул он, уныло покачав головой. — Справиться с таким бабьим царством... Тут воистину нужен талант похлеще, чем у великого полководца. Не завидую я дядюшке.

<http://bllate.org/book/18313/1759210>